

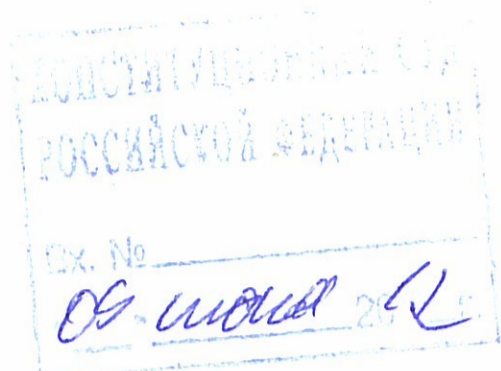
уже отметки.

06 июня 2012 г.

**В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Россия, 190000, г. Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, дом 1.

Россия, 103132, г. Москва, ул. Ильинка, дом 21,
подъезд № 3.

Сопроводительное письмо

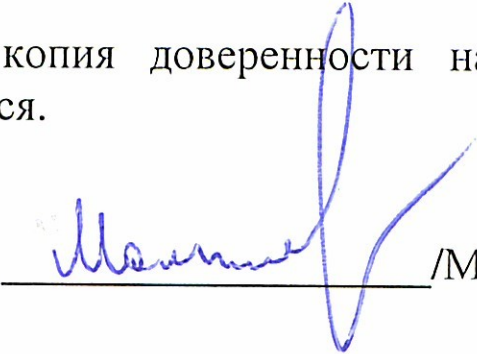
Руководствуясь ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации, ст. 36, ст. 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, настоящим направляем на рассмотрение Конституционным Судом Российской Федерации жалобу Максимова Николая Викторовича (117535, Россия, г. Москва, ул. Россошанская, 4, корп. 4, кв. 78) на нарушение конституционных прав и свобод Максимова Николая Викторовича положениями п. 6 ст. 4, п. 2 ч. 1 ст. 33 и п. 2 ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 2 ст. 28, ч. 2 ст. 29 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», по смыслу, придаваемому этим положениям правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых актов.

Жалоба и прилагаемые к ней в соответствии с ч. 1 ст. 38 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» документы и материалы, включая текст положений законов, подлежащих проверке, направляются в Конституционный Суд Российской Федерации с копиями в количестве трех экземпляров.

Всю переписку по данному обращению в Конституционный суд РФ просим направлять по адресу представителя Заявителя:

почтовый адрес: 127051, Москва, ул. Цветной бул., д. 21, стр. 6, оф. 67.

Нотариально заверенная копия доверенности на представителя Заявителя, подающего документы, прилагается.

С уважением,
Представитель Заявителя /Малышев А.В./

сдел
отметки

ген. 409-31-99
(811)

**В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Россия, 190000, г. Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, д. 1

ЗАЯВИТЕЛЬ:
Максимов Николай Викторович.
Адрес места жительства:
354202, Россия, Краснодарский край,
Лазаревский р-н, г. Сочи,
пос. Головинка, ул. Линейная, д. 17

Адрес для направления корреспонденции:
127051, Москва, ул. Цветной бул., д. 21, стр.
6, оф. 67.

ЖАЛОБА
на нарушение конституционных прав и свобод
положениями пункта 6 статьи 4, пункта 2 части 1 статьи 33 и пункта 2
статьи 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации,
части 2 статьи 28, части 2 статьи 29 Федерального закона «О рынке ценных
бумаг» — по смыслу, придаваемому этим положениям правоприменительной
практикой

**I. ТОЧНОЕ НАЗВАНИЕ, НОМЕР, ДАТА ПРИНЯТИЯ, ИСТОЧНИК
ОПУБЛИКОВАНИЯ ЗАКОНА, КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ
КОТОРОГО ПОДЛЕЖИТ ПРОВЕРКЕ.**

1.1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (далее — «АПК РФ») вступил в силу 1 сентября 2002 г. Текст АПК РФ был опубликован в «Российской газете» от 27 июля 2002 г., № 137; в Собрании законодательства РФ от 29 июля 2002 г., № 30, ст. 3012.

Изменения в подлежащее проверке на предмет соответствия Конституции РФ положение п. 2 ч. 1. ст. 33 АПК РФ — по смыслу, придаваемому этому положению правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов — были внесены Федеральным законом от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступил в силу 21 октября 2009 г. (опубликован в «Российской газете» от 22 июля 2009 г., № 133; в Собрании законодательства РФ от 20 июля 2009 г., № 29, ст. 3642).

Статья 225.1 АПК РФ, подлежащая проверке на предмет соответствия Конституции РФ (в части положений, содержащихся в п. 2 ст. 225.1, — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых актов) — была введена в АПК РФ в составе новой главы 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам» Федеральным законом от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступил в силу 21 октября 2009 г. (опубликован в «Российской

газете» от 22 июля 2009 г., № 133; в Собрании законодательства РФ от 20 июля 2009 г., № 29, ст. 3642).

1.2. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» вступил в силу 25 апреля 1996 г. Текст ФЗ «О рынке ценных бумаг» был опубликован в «Российской газете» от 25 апреля 1996 г., № 79; в Собрании законодательства РФ от 22 апреля 1996 г., № 17, ст. 1918.

II. НАИМЕНОВАНИЕ И АДРЕС ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА, ИЗДАВШЕГО ЗАКОН, КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ КОТОРОГО ПОДЛЕЖИТ ПРОВЕРКЕ.

2.1. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1) приняла АПК РФ 14 июня 2002 г.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (103426, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 26) одобрил АПК РФ 10 июля 2002 г.

Президент Российской Федерации (г. Москва, Кремль) подписал АПК РФ 24 июля 2002 г.

2.2. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла ФЗ «О рынке ценных бумаг» 20 марта 1996 г.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации одобрил ФЗ «О рынке ценных бумаг» 11 апреля 1996 г.

Президент Российской Федерации подписал ФЗ «О рынке ценных бумаг» 22 апреля 1996 г.

III. ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЯ, ПОДЛЕЖАЩИЕ ПРОВЕРКЕ НА ПРЕДМЕТ ИХ СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ, — ПО СМЫСЛУ, ПРИДАВАЕМОМУ ЭТИМ ПОЛОЖЕНИЯМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ, А ТАКЖЕ ИСХОДЯ ИЗ ИХ МЕСТА В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ АКТОВ.

По мнению Заявителя, положения:

1) пункта 6 ст. 4 АПК РФ:

«6. По соглашению сторон подведомственный арбитражному суду спор, возникающий из гражданских правоотношений, до принятия арбитражным судом первой инстанции судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, может быть передан сторонами на рассмотрение третейского суда, если иное не установлено федеральным законом»;

2) пункта 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ:

«1. Арбитражные суды рассматривают дела:

[...]

2) по спорам, указанным в статье 225.1 настоящего кодекса»;

3) во взаимосвязи с п. 2 ст. 225.1 АПК РФ:

«Арбитражные суды рассматривают дела по спорам, связанным с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также в некоммерческом партнерстве, ассоциации (союзе) коммерческих организаций, иной некоммерческой организации, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей, некоммерческой организации, имеющей статус саморегулируемой организации в соответствии с федеральным законом (далее — корпоративные споры), в том числе по следующим корпоративным спорам:

[...]

2) споры, связанные с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов, установлением их обременений и реализацией вытекающих из них прав, за исключением споров, вытекающих из деятельности депозитариев, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, споров, возникающих в связи с разделом наследственного имущества или разделом общего имущества супругов, включающего в себя акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паи членов кооперативов»;

4) части 2 ст. 28 ФЗ «О рынке ценных бумаг»:

«Права владельцев на эмиссионные ценные бумаги бездокументарной формы выпуска удостоверяются в системе ведения реестра — записями на лицевых счетах у держателя реестра или в случае учета прав на ценные бумаги в депозитарии — записями по счетам депо в депозитариях»;

5) части 2 ст. 29 ФЗ «О рынке ценных бумаг»:

«Право на именную бездокументарную ценную бумагу переходит к приобретателю:

в случае учета прав на ценные бумаги у лица, осуществляющего депозитарную деятельность, — с момента внесения приходной записи по счету депо приобретателя;

в случае учета прав на ценные бумаги в системе ведения реестра — с момента внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя»

— по смыслу, придаваемому этим положениям правоприменительной практикой (далее также — «обжалуемые законоположения») (Приложения № 1—3) — не соответствуют Конституции РФ, ее ч. 1 ст. 8, ст. 10, ст. 19, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 45, ст. 76, ч. 3 ст. 90, ч. 3 ст. 115,

в той части, в которой указанными законоположениями в их системной взаимосвязи не допускается рассмотрение третейскими судами корпоративных споров, связанных с переходом права собственности на акции, в силу якобы отнесения их к специальной подсудности российских государственных арбитражных судов, а также якобы публично-правового характера таких споров.

IV. НОРМЫ КОНСТИТУЦИИ РФ И ФЕДЕРАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНА «О КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ДАЮЩИЕ ЗАЯВИТЕЛЮ ПРАВО НА ОБРАЩЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ.

4.1. Часть 2 ст. 45 Конституции РФ каждому гарантировано право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Согласно ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, Конституционный Суд РФ по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом.

В соответствии со ст. 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «Правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным

или подлежащим применению в конкретном деле, и объединения граждан, а также иные органы и лица, указанные в федеральном законе»¹.

4.2. Согласно ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» *«Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов».*

Конституционный Суд РФ ранее неоднократно признавал не соответствующими Конституции РФ положения нормативных актов в той мере, в какой они — в том числе по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых актов — допускали нарушение конституционных прав².

Поскольку обжалуемые законоположения, примененные в деле с участием Заявителя, — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — нарушают конституционные права Заявителя, он имеет право на обращение в Конституционный Суд РФ.

4.3. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 43 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» *«Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение об отказе в принятии обращения к рассмотрению в случаях, если:*

[...]

3) *по предмету обращения Конституционным Судом Российской Федерации ранее было вынесено постановление, сохраняющее свою силу, за исключением случаев, предусмотренных статьей 47.1 настоящего Федерального конституционного закона».*

Ранее Заявитель уже обращался в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение его конституционных прав положениями п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ, в принятии к рассмотрению которой Конституционным Судом РФ Заявителю было отказано ввиду того, что п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ во взаимосвязи с нормами ст. 225.1 АПК РФ сам по себе не может рассматриваться как нарушающий конституционные права Заявителя (см. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 1804-О-О (Приложение № 7)).

Однако это не является препятствием для настоящего обращения Заявителя в Конституционный Суд РФ.

Во-первых, по предмету предыдущего обращения Заявителя в Конституционный Суд РФ им было вынесено не постановление, а **определение**, которым Заявителю было **отказано в принятии его жалобы к рассмотрению**.

Во-вторых, предмет настоящего обращения Заявителя **отличается** от предмета его предыдущего обращения: помимо положений п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ Заявитель также обжалует **иные законоположения в их взаимосвязи**, причем **НЕ САМИ ПО СЕБЕ, А ПО СМЫСЛУ, ПРИДАВАЕМОМУ ИМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ**.

КРОМЕ ТОГО, ЗАЯВИТЕЛЬ ПРОСИТ ПРОВЕРИТЬ УКАЗАННЫЕ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЯ НА ПРЕДМЕТ ИХ СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ ТАКЖЕ ИСХОДЯ ИЗ ИХ МЕСТА В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ АКТОВ.

Между тем, сам Конституционный Суд в своем определении от 21 декабря 2011 г. № 1804-О-О прямо указал, что Заявитель оспаривал **только** п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ **сам по себе**.

¹ Здесь и далее подчеркивания и иные выделения в различных законоположениях и цитатах произведены Заявителем.

² См. в частности, Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П (Приложение № 4); Постановление Конституционного Суда РФ № 15-П от 22 ноября 2001 г. (Приложение № 5); Постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П (Приложение № 6).

Таким образом, в настоящее время отсутствует действующее решение Конституционного Суда РФ, вынесенное по предмету настоящего обращения Заявителя в Конституционный Суд РФ.

Кроме того, Заявитель обращается с настоящей жалобой в Конституционный Суд РФ уже после того, как дело с его участием прошло все судебные инстанции, включая Высший Арбитражный Суд РФ (далее — «ВАС РФ»), отказавший в передаче дела в Президиум ВАС РФ (см. определение ВАС РФ от 30 января 2012 г. № ВАС-15384/11 (Приложение № 8)). **Следовательно, соответствующая правоприменительная практика окончательно сложилась.**

Таким образом, в настоящее время процесс судебной защиты прав и законных интересов Заявителя посредством арбитражного судопроизводства в России необходимо считать завершенным, а принятие настоящей жалобы к производству и ее рассмотрение по существу Конституционным Судом РФ полностью согласуется с предназначением и существом конституционного судопроизводства и полномочиями Конституционного Суда РФ в их соотношении с иными видами судопроизводства и полномочиями соответствующих судов по разрешению подведомственных им дел, а также местом Конституционного Суда РФ в системе судебных органов (Определение Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2002 г. № 270-О (Приложение № 9)).

Следовательно, какие-либо основания для отказа в принятии настоящего обращения Заявителя к рассмотрению Конституционным Судом РФ, предусмотренные п. 3 ч. 1 ст. 43 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», отсутствуют.

V. ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОБРАЩЕНИЯ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ. ОПИСАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИХ О ПРИМЕНЕНИИ ОБЖАЛУЕМЫХ НОРМ В ДЕЛАХ С УЧАСТИЕМ ЗАЯВИТЕЛЯ.

5.1. Основанием для обращения Заявителя с настоящей жалобой в Конституционный Суд РФ является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции РФ, в частности, ее ч. 1 ст. 8, ст. 10, ст. 19, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 45, ст. 76, ч. 3 ст. 90, ч. 3 ст. 115, обжалуемые законоположения по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых актов.

5.2. Обстоятельствами, свидетельствующими о применении обжалуемых законоположений в деле с участием Заявителя, являются следующие.

5.2.1. Определением Арбитражного суда г. Москвы от 28 июня 2011 г. по делу № А40-35844/11-69-311 было отменено решение Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ (далее — «МКАС») от 31 марта 2011 г. (Приложение № 10), которым были удовлетворены требования Заявителя к ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» о взыскании суммы долга по договору купли-продажи акций.

Одним из оснований отмены решения МКАС стала якобы невозможность рассмотрения спора третейским судом (неарбитрабельность спора).

В обоснование своей позиции суд указал следующее:

«Согласно п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ к специальной подведомственности арбитражных судов относятся споры, указанные в ст. 225.1 АПК РФ.

В соответствии с п. 2 ст. 225.1 АПК РФ арбитражные суды рассматривают дела по спорам, связанным с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов, установлением их обременений и реализацией вытекающих из них прав, за исключением споров, вытекающих из деятельности депозитариев, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, споров, возникающих в связи с разделом наследственного

имущества или разделом общего имущества супругов, включающего в себя акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паи членов кооперативов.

[...]

Спор, связанный с переходом права собственности на акции относится к категории корпоративных споров.

Согласно п. 1 ст. 149 ГК РФ порядок официальной фиксации прав и правообладателей, порядок документального подтверждения записей и порядок совершения операций с бездокументарными ценными бумагами определяются законом или в установленном им порядке. На основании ст. 28 ФЗ „О рынке ценных бумаг“ права владельца на эмиссионные ценные бумаги бездокументарной формы выпуска удостоверяются в системе ведения реестра — записями на лицевых счетах у держателя реестра. Согласно ст. 29 ФЗ „О рынке ценных бумаг“ право на именную бездокументарную ценную бумагу переходит к приобретателю с момента внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя.

Между тем, в арбитражном решении по иску о взыскании денежных средств содержится вывод об исполнении соглашения и передаче акций (стр. 59 арбитражного решения), в то время как **выводы относительно принадлежности акций, учитываемых в особом порядке, могут быть сделаны только государственным арбитражным судом.**

В соответствии со ст. 33 АПК РФ и наличия в ней прямой отсылки к ст. 225.1 АПК РФ дело по спору, возникшему между сторонами, относится к специальной подведомственности арбитражного суда, в связи с чем МКАС при ТПП РФ рассматриваться не могло» (Приложение № 11).

5.2.2. Федеральный арбитражный суд Московского округа постановлением от 10 октября 2011 г. по делу № А40-35844/2011-63-311 оставил указанное определение Арбитражного суда г. Москвы от 28 июня 2011 г. без изменения, подтвердив выводы арбитражного суда первой инстанции о неарбитрабельности корпоративных споров, затрагивающих вопросы перехода прав собственности на акции:

«Судебная коллегия суда кассационной инстанции соглашается с выводом суда первой инстанции о неарбитрабельности настоящего спора в силу установленного федеральным законом ограничения.

[...] неправомерно говорить об отделимости частного правового арбитрабельного спора об оплате стоимости акций от публично-правовых неарбитрабельных споров о переходе права собственности на акции в результате исполнения всего комплекса условий сделки Б, о корпоративном управлении.

[...]

Судебная коллегия суда кассационной инстанции пришла к выводу, что указание в федеральном законе, каковым в данном случае рассматривается Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, о специальной подведомственности корпоративных споров не только свидетельствует о разграничении компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но также означает, что указанные споры не могут быть переданы на разрешение третейских судов в силу характера и специфики правоотношений, порождающих такие споры, что следует из системного толкования норм статьи 4, 33 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации... Государство, определяя на основе законодательно закрепленных критериев в виде общих правил, в каком суде и в какой процедуре подлежат рассмотрению споры конкретной категории, обеспечивает соблюдение баланса частных и публичных интересов, правовую определенность в государственной защите прав и свобод. При этом коллегия учитывает, что третейские суды являются по своей природе частноправовым институтом разрешения споров» (Приложение № 12).

ВАС РФ определением от 30 января 2012 г. № ВАС-15384/11 в передаче дела в Президиум ВАС РФ отказал, установив, что *«выводы судов сделаны с учетом норм действующего материального и процессуального права»* (Приложение № 8).

Таким образом, в деле с участием Заявителя оспариваемые законоположения были истолкованы и применены государственными арбитражными судами так, как будто ими в их системной взаимосвязи, а также исходя из их места в системе правовых актов, не допускается рассмотрение третейскими судами корпоративных споров, связанных с переходом права собственности на акции, в силу якобы отнесения их к специальной подведомственности государственных арбитражных судов, а также якобы публично-правого характера таких споров.

Именно такой смысл придают оспариваемым законоположениям государственные арбитражные суды в своей правоприменительной практике.

5.3. Ниже приводятся примеры конкретных дел и выдержки из некоторых судебных актов, свидетельствующие о том, что в России сложилась не соответствующая Конституции РФ правоприменительная практика толкования и применения государственными арбитражными судами обжалуемых законоположений.

Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 7 декабря 2011 г. по делу № А33-14556/2011:

«... для корпоративных споров, в том числе и споров о расторжении договора купли-продажи в уставном капитале общества, установлена как исключительная подведомственность, так и исключительная подсудность.»

[...]

Исходя из положений статьи 4 Закона Российской Федерации „О международном коммерческом арбитраже“, части 2 статьи 33, статьи 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, учитывается существо спора, характер правоотношений сторон и последствия принятия решения третейским судом, суд апелляционной инстанции приходит к выводу о том, что данный спор не может быть предметом третейского разбирательства» (Приложение № 13).

Постановлением ФАС Восточно-Сибирского округа от 12 апреля 2012 г. по делу № А33-14556/2011 постановление апелляционного суда было оставлено без изменения:

«Спор по настоящему делу возник между обществом и его участником о праве на долю в уставном капитале, является в силу своей специфики и конкретных обстоятельств корпоративным спором, указанным в статье 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в связи с чем относится к спорам специальной подведомственности, и подлежит рассмотрению по подведомственности в арбитражном суде» (Приложение № 14).

Необходимо отметить, что в данном деле спор вытекал из отношений, связанных с куплей-продажей доли в обществе с ограниченной ответственностью. Для целей настоящей жалобы подобный спор можно рассматривать как тождественный спору, вытекающему из отношений купли-продажи акций в акционерном обществе.

5.4. Еще одним примером того, что в России сложилась не соответствующая Конституции РФ правоприменительная практика толкования и применения государственными арбитражными судами обжалуемых законоположений, является обращение Президиума ВАС РФ в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности п. 1 ст. 11 Гражданского Кодекса РФ, п. 1 ст. 33 Федерального

закона «Об ипотеке (залоге) недвижимости» от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ и иных законов, которыми определяется подведомственность третейским судам споров, связанных с правами на недвижимость.

В данном запросе ВАС РФ содержалось указание на то, что к делам, которые должны рассматривать исключительно государственные суды, кроме споров о недвижимости «*принято относить дела повышенной публичной (государственной, общественной) важности (...защита прав в корпоративных отношениях)*» (стр. 5 Дополнения от 30 декабря 2010 г. к Запросу о проверке конституционности норм Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», норм ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» и ст. 28 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним») (далее — «Дополнение к запросу от 30 декабря 2010 г.») (Приложение № 16).

Таким образом, в ВАС РФ, также как и в других государственных арбитражных судах, сложилась не соответствующая Конституции РФ практика применения обжалуемых законоположений, согласно которой дела по корпоративным спорам необходимо относить к категории «дел повышенной публичной важности», вследствие чего из компетенции третейских судов они исключаются.

VI. НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РФ ОБЖАЛУЕМЫМИ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЯМИ, — ПО СМЫСЛУ, ПРИДАВАЕМОМУ ЭТИМ ПОЛОЖЕНИЯМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ.

По мнению Заявителя, обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — не соответствуют Конституции РФ по следующим основаниям.

6.1. Обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — нарушают гарантированное Конституцией РФ право на защиту своих прав всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

6.1.1. Гарантируя каждому государственную защиту его прав и свобод, Конституция РФ одновременно закрепляет право каждого защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

«К числу таких — общепризнанных в современном правовом обществе — способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обуславливаются диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений, относится обращение в третейский суд — международный коммерческий арбитраж или внутренний третейский суд (постоянно действующий третейский суд или третейский суд, образованный сторонами для решения конкретных споров (ad hoc))»³.

6.1.2. Одним из законов, в которых конкретизирована возможность обращения в третейский суд за защитой нарушенных прав и законных интересов является Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 7 июля 1993 г. № 5338-1 (далее — «Закон о МКА»).

В силу п. 2 и п. 4 ст. 2 Закона о МКА в международный коммерческий арбитраж может передаваться любой соответствующий спор гражданско-правового характера между соответствующими субъектами⁴, если иное не предусмотрено законом⁵

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П (Приложение № 18).

⁴ «В международный коммерческий арбитраж могут по соглашению сторон передаваться: споры из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающие при осуществлении внешнеэкономических и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие

Аналогичным является регулирование данного вопроса и в п. 2 ст. 1 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ⁶.

В Российской Федерации отсутствует закон, который бы устанавливал «иное» для споров гражданско-правового характера, к которым в том числе относятся и корпоративные споры, связанные с правом собственности на акции.

Как отметил Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П: «Указание на гражданско-правовой характер спора как критерий его возможного разрешения посредством третейского разбирательства означает, что в системе действующего правового регулирования не допускается передача на рассмотрение третейского суда споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, а также дел, рассматриваемых в порядке особого производства, не отвечающих традиционным признакам споров о праве (дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, и др.). Такое ограничение сферы компетенции третейских судов связано с природой гражданских правоотношений...».

Таким образом, указание в законе на гражданско-правовой характер спора является единственным критерием, а, соответственно, и единственным ограничением и отграничением арбитражных споров от неарбитражных.

Иных критериев для определения сферы компетенции третейских судов по разрешению споров либо перечня споров, относящихся к категории арбитражных / неарбитражных, в российском законодательстве не предусмотрено.

Однако, если толковать обжалуемые законоположения так, как их толкует правоприменитель (см. раздел V настоящей жалобы выше), — таким перечнем необходимо считать виды дел, относящиеся к специальной подведомственности государственных арбитражных судов (п. 1 ст. 33 АПК РФ), к которым в том числе относятся и дела по корпоративным спорам, и, в частности, дела, связанные с переходом права собственности на акции (п. 2 ст. 225.1 АПК РФ).

А. Отнесение корпоративных споров к специальной подведомственности государственным арбитражным судам как фактор, который не может рассматриваться в качестве препятствия для ограничения сферы компетенции третейских судов

6.1.3. Институт специальной подведомственности по его смыслу в системе других нормативных предписаний не должен применяться к определению предметной сферы компетенции негосударственных альтернативных правоприменительных органов, каковым является третейский суд. Он предназначен исключительно для отграничения споров, которые подлежат рассмотрению в государственных арбитражных судах, от споров, рассматриваемых судами общей юрисдикции.

«Специальным» такой вид подведомственности называется потому, что соответствующие споры подлежат рассмотрению в государственных арбитражных судах «независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели

хотя бы одной из сторон находится за границей, а также споры предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, споры между их участниками, а равно их споры с другими субъектами права Российской Федерации» (п. 2 ст. 2 Закона о МКА).

⁵ «Настоящий Закон не затрагивает действия какого-либо другого закона Российской Федерации, в силу которого определенные споры не могут передаваться в арбитраж или могут быть переданы в арбитраж только в соответствии с положениями иными, нежели те, которые содержатся в настоящем Законе» (п. 4 ст. 2 Закона о МКА).

⁶ «В третейский суд может по соглашению сторон третейского разбирательства (далее также — стороны) передаваться любой спор, вытекающий из гражданских правоотношений, если иное не установлено федеральным законом» (п. 2 ст. 1 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»).

или иные организации и граждане» (п. 2 ст. 33 АПК РФ). То есть традиционный «субъектный» критерий разграничения дел по подведомственности между государственными арбитражными судами и судами общей юрисдикции в данном случае не применим — превалирующим является критерий характера спора.

Таким образом, институт специальной подведомственности по своей природе не предназначен для установления того, что объект спора по соответствующему требованию может или не может быть предметом разбирательства в третейском суде (см. Заключение проф. А.Л. Маковского (Приложение № 18), Заключение проф. В.В. Яркова (Приложение № 19)).

Это, помимо прочего, с очевидностью следует и из п. 6 ст. 4 АПК РФ, который правоприменитель антиконституционным образом толкует во взаимосвязи с иными обжалуемыми положениями, чтобы доказать обратное (см. раздел V настоящей жалобы выше). Согласно указанному положению АПК РФ на рассмотрение третейского суда по соглашению сторон может быть передан **именно подведомственный государственному арбитражному суду спор**, вытекающий из гражданских правоотношений.

6.1.4. Такой же вывод справедлив и применительно к исключительной подсудности корпоративных споров суду по месту нахождения общества (п. 4.1 ст. 38 АПК РФ), являющейся, наравне с альтернативной подсудностью, одним из видов территориальной подсудности. Такая подсудность по своей природе направлена на определение конкретного государственного арбитражного суда, находящегося на конкретной территории Российской Федерации, **а не на исключение возможности рассмотрения дела третейским судом**.

Соответственно, «исключительная» она только потому, что законодатель предусмотрел рассмотрение определенных видов споров (причем перечень таких споров является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит) только сугубо внутри системы государственных арбитражных судов в строго определенных по месту расположения таких судов с целью обеспечения лучших условий для правильного и своевременного рассмотрения таких дел, специфические особенности которых затрудняют их рассмотрение в государственном арбитражном суде, расположенном в каком-либо другом месте.

6.1.5. Такой же вывод сделал Конституционный Суд РФ применительно к совершенно аналогичному институту исключительной подсудности государственным арбитражным судам дел по спорам с участием иностранных лиц, в т.ч. спорам по поводу недвижимого имущества (ст. 248 АПК РФ): *«Названная норма — по ее смыслу в системе других предписаний главы 32 „Компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по рассмотрению дел с участием иностранных лиц“ АПК Российской Федерации — направлена на разграничение компетенции государственных судов различных стран по рассмотрению трансграничных споров. Ее толкование как устанавливающей исключительную подсудность споров относительно недвижимого имущества арбитражным судам, т.е. исключаяющей возможность передачи этих споров на рассмотрение третейских судов, не основано на понимании института исключительной подсудности как закрепляющего неизменяемые правила о компетенции внутри системы государственных судов для целей исключения пророгационных соглашений, но не препятствующего сторонам использовать альтернативные юрисдикционные формы при соблюдении общих правил, установленных для них законом»⁷.*

Если Конституционный Суд РФ толкует положения ст. 248 АПК РФ как не препятствующие рассмотрению соответствующих споров третейским судом, какие

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П.

причины толковать положения п. 6 ст. 4, п. 2 ч. 1 ст. 33 и п. 2 ст. 225.1 АПК РФ в их системной взаимосвязи а также исходя из их места в системе правовых актов, иным образом?

Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что изменения, которые были внесены в АПК РФ в 2009 г. путем дополнения кодекса новой главой 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам» были направлены исключительно на борьбу с «рейдерскими» технологиями и соответствующими злоупотреблениями в судебно-процессуальной сфере и не имели ничего общего с ограничением круга арбитражных споров и разграничением компетенции между государственными арбитражными судами и судами третейскими.

Б. Учет прав на акции в особом порядке как фактор, который не может рассматриваться в качестве препятствия для ограничения сферы компетенции третейских судов

6.1.6. Равным образом не может служить целям разграничения компетенции государственных судов и третейских судов по гражданско-правовым спорам, касающимся права собственности на акции, **ссылка правоприменителя на ч. 2 ст. 28 и ч. 2 ст. 29 ФЗ «О рынке ценных бумаг»**, якобы свидетельствующие — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — о публично-правовом характере такого спора, наличии в нем публичного элемента **только в силу того, что такие акции учитываются в особом порядке** (см. раздел V настоящей жалобы выше).

Учет в особом порядке эмиссионных ценных бумаг бездокументарной формы (в том числе акций) представляет собой сбор, фиксацию, обработку, хранение и предоставление соответствующим лицам сведений о правах и правообладателях таких ценных бумаг реестродержателем либо лицом, осуществляющим депозитарную деятельность на рынке ценных бумаг (профессиональным участником рынка ценных бумаг).

Законодательное закрепление порядка учета таких ценных бумаг является, таким образом, признанием со стороны государства заинтересованности в идентификации их владельцев, их прав на ценные бумаги, фиксации переходов прав на них от одного лица к другому, что обусловлено самой бездокументарной формой таких ценных бумаг, а также связанной с ней зависимостью возникновения и реализации прав их владельца от их фиксации в соответствующем реестре. **Этим, как и в случае с регистрацией вещных прав на объекты недвижимости, обеспечивается функция достоверности сведений из таких реестров для третьих лиц, защита прав соответствующих лиц и устойчивость гражданского оборота.**

Вместе с тем, в правоприменительной практике государственных арбитражных судов учет бездокументарных эмиссионных ценных бумаг в особом порядке рассматривается как «публичный элемент», наличие которого в гражданско-правовом споре — а его наличие в споре, касающемся акций, признается государственными арбитражными судами *a priori* даже если спор возник по поводу оплаты их стоимости, как в деле с участием Заявителя, — **позволяет приравнивать такие споры к спорам публично-правового характера**, что исключает возможность их рассмотрения третейскими судами.

Такой подход, основанный на отождествлении публично-правовых споров и гражданско-правовых споров, **не учитывает конституционно-правовую природу соответствующих правоотношений.**

По аналогии с позицией Конституционного Суда РФ относительно специфики споров, затрагивающих права на недвижимое имущество, которые могут повлечь необходимость государственной регистрации такого имущества (Постановление от 26 мая 2011 г. № 10-П), необходимо отметить, что публично-правовой характер споров, предопределяющий невозможность их передачи на рассмотрение третейского суда,

обусловливается не видом ценных бумаг и не учетом права собственности на них в особом порядке, а **спецификой / характером правоотношений**, из которых возникает спор относительно таких ценных бумаг.

При этом требование учета прав их владельцев в особом порядке (в системе ведения реестра либо на счетах депо у депозитария) не связано ни со сторонами спора, ни со спецификой / характером правоотношений, по поводу которых он возник.

Следовательно, отношения по поводу учета прав владельцев эмиссионных ценных бумаг бездокументарной формы в особом порядке **нельзя считать содержательным элементом спорного правоотношения, суть которого остается частноправовой**.

Учет прав их владельцев в особом порядке, не являясь фактором, изменяющим саму природу гражданско-правовых отношений, имеет целью фиксацию и учет ценных бумаг, а также прав на них, и служит дополнительной гарантией надлежащего оформления совершаемых с ними сделок.

Более того, коль скоро регистрация прав владельцев даже недвижимого имущества и сделок с ним в Едином **государственном** реестре не была признана Конституционным Судом РФ как «**публичный элемент**», «включение» которого в гражданско-правовые споры относительно объектов недвижимого имущества позволяло бы приравнивать эти споры к публично-правовым, регистрация владельцев бездокументарных эмиссионных ценных бумаг и их прав на них в соответствующих реестрах, которые ведутся **ЧАСТНЫМИ ЛИЦАМИ** (самим обществом, реестродержателем по поручению общества либо депозитарием) **тем более не может быть признана таким «публичным элементом»**.

Соответственно, обязательность учета прав владельцев эмиссионных ценных бумаг в особом порядке **не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее возможность передачи споров по поводу прав собственности на них на рассмотрение третейских судов**.

6.1.7. Таким образом, ни институт специальной подведомственности государственным арбитражным судам корпоративных споров, связанных с правом собственности на эмиссионные ценные бумаги бездокументарной формы, ни учет прав их владельцев в особом порядке **не могут являться теми критериями**, которые служили бы универсальным инструментом для отграничения публично-правового спора от гражданско-правового и определения того, могут или не могут соответствующие споры рассматриваться третейскими судами.

При этом Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П специально обратил внимание на то, что законодатель **вправе установить такие критерии / перечень, но только не путем произвольного снижения уже достигнутого уровня гарантированности прав и свобод**: «Этим не затрагивается право федерального законодателя в рамках предоставленной ему дискреции в регулировании данного вопроса (пункты „в“, „о“ статьи 71 Конституции Российской Федерации) определять — исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов — перечень видов споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, в зависимости от их социальной значимости, конкретных условий развития гражданского оборота и социально-экономической системы в целом, укоренения правовых начал рыночного хозяйства, правовой культуры и других факторов и вносить в этот перечень изменения. Такие изменения, однако, не могут осуществляться путем произвольного снижения уже достигнутого уровня гарантированности права участников гражданского оборота на использование для защиты своих прав третейского разбирательства, без учета сложившегося правового регулирования, призванного обеспечивать стабильность и динамизм гражданского

оборота и предсказуемость в использовании процессуальных возможностей для его участников».

Обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — **такому достигнутому уровню гарантированности прав и свобод граждан и их объединений не соответствуют** — в том числе с учетом ранее выявленного Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла законоположений, допускающих рассмотрение третейскими судами гражданско-правовых споров, касающихся недвижимого имущества.

В связи с этим гарантированное Конституцией РФ право на защиту своих прав всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), оказывается нарушенным.

6.2. Обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — нарушают принципы автономии воли и свободы договора, закрепленные в ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 45 Конституции России.

6.2.1. *«В Российской Федерации право сторон гражданско-правового спора на его передачу в третейский суд основано на статье 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 8 (часть 1), согласно которой в Российской Федерации гарантируются свобода экономической деятельности и поддержка конкуренции, и статьей 34 (часть 1), закрепляющей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».* Такое право *«расширяет возможности разрешения споров в сфере гражданского оборота»* (Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П).

6.2.2. Стороны реализуют право на свободу договора, в том числе заключая третейские соглашения и обращаясь за разрешением споров в третейский суд. *«В таких случаях право на судебную защиту, которая — по смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации — должна быть полной, эффективной и своевременной, обеспечивается возможностью обращения в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2000 года № 214-О, от 15 мая 2001 года № 204-О, от 20 февраля 2002 года № 54-О и от 4 июня 2007 года № 377-О-О).*

[...]

Тем самым подтверждается правомерность обращения частных лиц — в пределах реализации ими на основе автономии воли права на свободу договора — к третейскому разбирательству в сфере гражданских правоотношений, где допускается разрешение споров посредством общественного саморегулирования, а публичные интересы обеспечиваются законодательными предписаниями, устанавливающими процедуры третейского разбирательства...» (Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П).

6.2.3. Такой подход применим и к ситуации возникновения гражданско-правовых споров, касающихся права собственности на акции.

При этом с точки зрения принципа диспозитивности, который, как определил Конституционный Суд РФ, распространяется и на процессуальные отношения при разрешении гражданско-правового спора, **по общему правилу не имеет значения, где будет рассматриваться спор, касающийся права собственности на акции — в порядке государственного судопроизводства или же в порядке третейского судопроизводства.** Этот вывод также подтверждается следующим указанием в

Определении Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2002 г. № 54-О: «Ограничение компетенции судов общей юрисдикции при рассмотрении ходатайств об отмене решений МКАС представляет собой, таким образом, необходимую гарантию реализации сторонами права на свободу договора и осуществления ими права на судебную защиту в той процессуальной форме, которая была ими добровольно избрана...» (Приложение № 20).

6.2.4. Европейский Суд по правам человека (далее — «ЕСПЧ») при применении соответствующих положений ст. 6 «Право на справедливое судебное разбирательство» Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (далее — «ЕКПЧ»), имеющей силу и для России, также исходит из того, что **третейские суды могут рассматривать корпоративные споры**, что является одной из гарантий реализации права на свободу договора и проявлением автономии воли участников гражданских правоотношений.

Так, в постановлении от 8 июля 1986 г. по делу *Lithgow и другие против Великобритании* (заявления №№ 9006/80; 9262/81; 9263/81; 9265/81; 9266/81; 9313/81; 9405/81) (Приложение № 21) ЕСПЧ рассматривал вопрос о соразмерности и дискриминационном характере компенсаций, которые получили заявители-акционеры при национализации компаний путем выкупа акций, принадлежащих заявителям, причем подлежащая выплате сумма компенсаций устанавливалась третейским судом, определенным в Законе об авиационной и судостроительной промышленности 1977 г.

В этом деле ЕСПЧ не усмотрел нарушений положений ЕКПЧ (п.п. 196, 201). Из постановления данного суда следует тот вывод, что споры даже по поводу национализации, то есть споры с явным наличием публичных элементов и одновременно затрагивающие интересы большого круга третьих лиц, причем в сфере корпоративного права, могут рассматриваться не в государственном суде, а именно в третейском порядке. Это позволяет сделать вывод о принципиальной арбитрабельности подобных споров с точки зрения ЕСПЧ.

В другом деле *Jon Axelsson и другие против Швеции* (заявление № 11960/86) (Приложение № 22) заявители считали, что третейская оговорка в условиях членства в ассоциации таксистов (корпорации по смыслу применимого права, исходя из чего спор также необходимо считать корпоративным) не применима в отношении споров между ассоциацией и ее членами по поводу убытков, причиненных принятыми ассоциацией решениями, и что заявители были лишены возможности рассмотрения их дел законным судом. ЕСПЧ не нашел нарушений Конвенции и признал жалобу неприемлемой как явно необоснованную, при этом прямо указав в постановлении от 13 июля 1990 г.: «В большинстве Договаривающихся Стран право на доступ к суду ограничено или предоставляется при специальных условиях в отношении несовершеннолетних, сутяжников, лиц с психическими расстройствами, лиц, объявленных несостоятельными и, как в данном случае, лиц, которые связаны арбитражным соглашением. Такое регулирование не является в принципе противоречащим статье 6 Конвенции, когда преследуемая цель законна и используемые средства достижения этой цели соразмерны».

С точки зрения ЕСПЧ третейское разбирательство таких споров, являющихся по своему характеру корпоративными и затрагивающим права третьих лиц, являлось допустимым.

Наконец, в постановлении от 23 февраля 1999 г. по делу *Osmo Suovaniemi и другие против Финляндии* (заявление № 31737/96) (Приложение № 23) заявители жаловались на действия Финляндии, суды которой отказались отменять третейское решение по корпоративному спору из акционерного соглашения, предусматривавшему, среди прочего, особый порядок определения состава органов управления компании одним из ее участников (по мнению Президиума ВАС РФ такие дела «практически по всем случаям затрагивают права третьих лиц» (стр. 5 Дополнения к запросу от

30 декабря 2010 г.) (Приложение № 16)). ЕСПЧ, не установив нарушения ст. 6 Конвенции, признал жалобу неприемлемой. Никаких сомнений по поводу арбитрабельности такого дела у ЕСПЧ не возникло.

6.2.5. Кроме того, в развитых правовых системах проблемы арбитрабельности корпоративных споров, уже давно были однозначно решены в пользу возможности их рассмотрения третейскими судами (см. Заключение проф. А.Л. Маковского (Приложение № 18)).

Более того, в национальном законодательстве большинства стран наблюдается тенденция постепенного расширения компетенции третейских судов. Ярким примером являются такие страны как Австрия, Германия, Великобритания, США.

6.2.6. Однако российские государственные арбитражные суды продолжают игнорировать и общемировую правоприменительную практику, и тенденции развития законодательства в развитых странах, и подходы ЕСПЧ, и правовые позиции Конституционного Суда РФ, что неизбежно приводит к тому, что право на свободу договора, гарантированное ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 45 Конституции России обесценивается, превращаясь в номинальное право, которое в соответствующих случаях (а ситуации, когда спор касается прав собственности на акции, являются достаточно распространенными) становится невозможно реализовать.

6.2.7. Ввиду того, что большинство крупных сделок с акциями / долями российских компаний предусматривают рассмотрение споров именно в третейском суде, масштабным негативным последствием вышеописанного подхода российского правоприменителя для всего гражданского оборота в целом станет «уход» соответствующих сделок из-под российской юрисдикции, в том числе путем совершения таких сделок не с акциями / долями российских обществ, а с акциями / долями владеющих ими иностранных компаний, зарегистрированных за рубежом, а также отток инвестиций и ухудшение общего инвестиционного климата в стране.

6.3. Обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — нарушают баланс частных и публичных интересов.

6.3.1. Обеспечение баланса частных и публичных интересов является одной из **базовых конституционно-правовых ценностей**, которая должна выступать ориентиром в нормативном регулировании вопросов установления критериев для отнесения споров к арбитрабельным / неарбитрабельным либо определения перечня таких споров.

На это специально обратил внимание Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П: *«Этим не затрагивается право федерального законодателя в рамках предоставленной ему дискреции в регулировании данного вопроса (пункты „в“, „о“ статьи 71 Конституции Российской Федерации) определять — исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов — перечень видов споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда».*

Однако государственные арбитражные суды, апеллируя к необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов при решении вопроса об арбитрабельности корпоративного спора, в том числе спора, касающегося права собственности на акции, сами этот баланс нарушают, «прикрываясь» категориями публичного интереса, «публично-правового элемента» и/или «публично-правового эффекта» решения третейского суда, в связи с чем **игнорируются конституционно-правовые требования необходимости, соразмерности и пропорциональности регулирования, допускается вмешательство государства в частные дела субъектов гражданского оборота.**

6.3.2. Руководствуясь подходом российских государственных арбитражных судов, наличие «публичного интереса» / «публично-правового элемента» можно выявить практически в любом споре.

Например, можно предположить, что он присутствует в случае, если одной из сторон спора является компания с государственным участием (несмотря на то, что государство в такой ситуации выступает в отношениях, регулируемых гражданским законодательством на равных началах с иными участниками этих отношений согласно ст. 124 Гражданского Кодекса РФ) или, например, компания, занимающаяся разработкой и производством авиатехники и в силу этого имеющая стратегическое значение согласно Федеральному закону «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ.

Как видно, такой подход является явно неоправданным с точки зрения необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов, ведет к «огосударвлению» частноправовых отношений и установлению над ними чрезмерного контроля со стороны государства.

6.3.3. Не исключено, что правоприменитель при помощи такого подхода борется с злоупотреблениями правом на рассмотрение гражданско-правовых споров в третейских судах, что часто подчеркивается в различных выступлениях в средствах массовой информации судьями государственных арбитражных судов⁸.

Однако риск злоупотребления правом не может быть устранен путем устранения самого этого права — такая мера является чрезмерной, нарушая баланс частных и публичных интересов, что явно антиконституционно.

6.4. Обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — нарушают принцип равенства, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ, а также принцип верховенства закона, закрепленный в ст. 76, ч. 3 ст. 90, ч. 3 ст. 115 Конституции РФ.

Согласно подходу, выработанному Конституционным Судом РФ,

«3. Конституция Российской Федерации, так же, как и ряд международно-правовых норм, определяет общие принципы установления возможных ограниченных прав и свобод, обязательные для законодателя.

Подобные ограничения могут быть установлены только в федеральном законе (часть третья статьи 55). Это означает, что нормативные акты иного уровня, включая ведомственные, а тем более не опубликованные или носящий закрытый характер, не только не могут устанавливать каких-либо ограничений прав и свобод, но и регулировать порядок и основания их применения, условия, пределы, сроки и другие существенные признаки этих ограничений.

Положения Закона, касающиеся возможных ограничений прав и свобод должны быть ясны и определены. Этот принцип, вытекающий из требований статьи 19 Конституции Российской Федерации, неоднократно был выражен в позициях Конституционного Суда как необходимое условие недопущения произвола при применении закона (см. постановления Конституционного Суда РФ от 25.04.95 г. и др.). Установленные ограничения должны быть четки и понятны любому гражданину и должностному лицу. Норма не должна допускать произвольного толкования, ясно устанавливая пределы ограничений и степень усмотрения исполнительных органов. В противном случае нарушается принцип верховенства закона (статьи 76, 90 часть 3, 115 часть 3 Конституции РФ)» (Определение от 14 июля 1998 г. № 86-О (Приложение № 24)).

⁸ См., например, интервью с А. Ивановым на www.rbcdaily.ru/2012/02/21/focus/562949982859837.

Обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — в условиях отсутствия в законе четко сформулированных прямых запретов, исключающих компетенцию третейского суда, допускают произвольное толкование их положений, оставляя неопределенным вопрос о том, в каких случаях гражданско-правовой спор, и в частности корпоративный спор, может считаться арбитрабельным.

Как результат, это создает неопределенность правового результата нормативного регулирования и не позволяет предвидеть правовые последствия согласования в договорах третейского разбирательства в качестве способа разрешения коммерческих споров.

Подобная неопределенность, создаваемая действием обжалуемых законоположений в толковании их правоприменителем, ведет к возможности неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, нарушению принципа равенства и верховенства закона, вследствие чего такие положения являются неконституционными.

«Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит — к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона» (Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П (Приложение № 25)).

«Общеправовой критерий формальной определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы (формальной определенности закона), обусловленный природой нормативного регулирования в правовых системах, основанных на верховенстве права, непосредственно вытекает из закрепленных Конституцией Российской Федерации принципа юридического равенства (ст. 19, ч. 1 и 2) и принципа верховенства Конституции Российской Федерации и основанных на ней федеральных законов (ст. 4, ч. 2; ст. 15, ч. 1 и 2). Неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит — к нарушению указанных конституционных принципов, реализация которых не может быть обеспечена без единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 15 июля 1999 года № 11-П и от 11 ноября 2003 года № 16-П)» (Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П (Приложение № 26)).

Приведенные позиции Конституционного Суда РФ применимы и к той неопределенности, которая создается правоприменительной практикой по обозначенным в настоящей жалобе вопросам.

Более того, иной правоприменитель — а именно исполнительная власть в лице Правительства Российской Федерации — придерживается, в отличие от государственных арбитражных судов, прямо противоположных взглядов на арбитрабельность корпоративных споров. В Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года⁹ (Приложение № 15) особо отмечается необходимость «оказать поддержку внесудебным формам разрешения корпоративных и иных конфликтов, стимулировать передачу споров в третейские суды... ..К преимуществам этого способа следует отнести конфиденциальность, оперативность рассмотрения спора и невысокие затраты, а также отсутствие необходимости принудительного исполнения решения...» (Раздел VI «Совершенствование правового регулирования финансового рынка»). Заявитель полагает, что именно такое понимание

⁹ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 2043-р (Собрание законодательства РФ, 2009, № 3, ст. 423).

сущности третейских судов и корпоративных споров соответствует Конституции России.

Соответственно, подобное неоднозначное понимание и неоднозначное применение одних и тех же норм закона уже создали возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит — к нарушению указанных конституционных принципов равенства и верховенства закона.

Уже по этой причине поставленный в настоящей жалобе вопрос обладает безусловной конституционной значимостью и должен быть рассмотрен по существу.

6.5. Обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — создают почву для нарушения принципа разделения властей.

В соответствии со статьей 10 Конституции РФ *«Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны»*.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал в своих актах на то, что суды **не вправе подменять законодателя и создавать новые нормы права.**

Так, в определении Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 г. № 5-О Конституционный Суд РФ разъяснил, что *«В Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1997 г. по делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы „О некоторых вопросах применения Федерального закона „О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“ и „О порядке применения пункта 2 статьи 855 ГК Российской Федерации“ признано, что официальное толкование законов, конкретизирующее правила, имеющее общее действие и рассчитанное на многократное применение, т.е. имеющее силу закона разъяснение федерального закона, вправе принимать только законодательный орган в законодательной процедуре, а обращения к правоприменителям разъяснения, данные другими органами, как неотделимые от разъясняемых норм, во всяком случае подлежат проверке с точки зрения правильности их истолкования и применения в обычном судебном порядке»* (Приложение № 27).

Кроме того, в Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П Конституционный Суд РФ специально указал на *«право федерального законодателя в рамках предоставленной ему дискреции в регулировании данного вопроса (пункты „в“, „о“ статьи 71 Конституции Российской Федерации) определять — исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов — перечень видов споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда*¹⁰, обратив, таким образом, внимание на то, что **в действующем законодательстве соответствующий перечень отсутствует.**

Однако обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — дают российским государственным арбитражным судам основание считать себя компетентными самостоятельно определять (исходя из обжалуемых законоположений), какие категории споров являются арбитрабельными, а какие нет — **пользуясь молчанием закона** (в частности, **отсутствием соответствующих запретов**) и фактически **подменяя собой законодателя.**

Таким образом, обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — создают условия для нарушения ст. 10 Конституции РФ.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П.

6.6. Обжалуемые законоположения, исходя из их места в системе правовых актов, допускают рассмотрение корпоративных споров, связанных с переходом права собственности на акции, третейскими судами.

Согласно ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» *«Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов».*

Основополагающим правовым актом, регулирующим гражданско-правовые отношения, включая отношения по поводу прав на акции, является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ).

ГК РФ, как акт, регулирующий все частноправовые отношения, прямо говорит о возможности рассмотрения частноправовых споров третейскими судами (п. 1 ст. 11 ГК РФ). Это обстоятельство, учитывая место ГК РФ в системе правовых актов, а также его роль для определения баланса частных и публичных интересов, дополнительно свидетельствует о том, что **корпоративные споры могут быть переданы на рассмотрение третейских судов.**

Данная возможность конкретизируется также в таких специальных правовых актах как Закон о МКА и ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», к предмету регулирования которых относятся в том числе и вопросы арбитрабельности гражданско-правовых споров.

В них как **актах специального регулирования** не содержится норм, исключающих рассмотрение третейскими судами корпоративных споров, связанных с переходом права собственности на акции.

Помимо специальных норм, общие нормы также могут регулировать вопросы арбитрабельности. Однако в таком случае, такие нормы, т.е. нормы, предусматривающие какие-либо изъятия из вышеуказанного общего правила об арбитрабельности рассматриваемых споров согласно ГК РФ и соответствующим ему Закону о МКА и ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», **должны говорить об этом четко, прямо и недвусмысленно**¹¹.

Обжалуемые законоположения АПК РФ — исходя из его места в системе правовых актов, — как закона общего регулирования, **не содержат правил, которые бы четко, прямо и недвусмысленно устанавливали запрет на арбитрабельность рассматриваемой категории споров.**

Отсутствует подобный запрет и в обжалуемых законоположениях ФЗ «О рынке ценных бумаг» — исходя из его места в системе правовых актов (равно как и в любых иных федеральных законах России).

Таким образом, обжалуемые законоположения (исходя из их места в системе правовых актов) только подтверждают общее правило о том, что корпоративные споры, связанные с переходом права собственности на акции, **могут** быть переданы на рассмотрение третейских судов.

Соответственно, и с точки зрения места обжалуемых законоположений в системе правовых актов, корпоративные споры могут быть переданы на рассмотрение третейских судов.

6.7. Обжалуемые законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — произвольно снижают достигнутый уровень гарантированности прав участников гражданского оборота на использование для

¹¹ Как, например, говорит об этом п. 3 ст. 33 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в отношении дел о банкротстве: *«Дело о банкротстве не может быть передано на рассмотрение в третейский суд».*

защиты своих прав третейского разбирательства, без учета сложившегося правового регулирования, призванного обеспечивать стабильность и динамизм гражданского оборота и предсказуемость в использовании процессуальных возможностей для его участников.

Конституционный Суд России неоднократно констатировал, что федеральный законодатель обладает правом в рамках предоставленной ему дискреции (пункты «в», «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации) определять — исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов — перечень видов споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, в зависимости от укоренения правовых начал рыночного хозяйства, правовой культуры и других факторов.

Как показано выше, для корпоративных споров законодатель не формулировал запретов на их рассмотрение в третейских судах. Однако такой запрет выводится государственными органами судебной власти из обжалуемых законоположений.

Между тем иной правоприменитель — исполнительная власть в лице Правительства Российской Федерации — придерживается прямо противоположных взглядов на арбитрабельность корпоративных споров. В Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года¹² (Приложение № 15) особо отмечается необходимость *«оказать поддержку внесудебным формам разрешения корпоративных и иных конфликтов, стимулировать передачу споров в третейские суды... К преимуществам этого способа следует отнести конфиденциальность, оперативность рассмотрения спора и невысокие затраты, а также отсутствие необходимости принудительного исполнения решения...»* (Раздел VI «Совершенствование правового регулирования финансового рынка»). Заявитель полагает, что именно такое понимание сущности третейских судов и корпоративных споров соответствует Конституции России.

В этой связи Конституционный Суд России уже отмечал, что изменения [перечня видов третейских споров], не могут осуществляться [законодателем] путем произвольного снижения уже достигнутого уровня гарантированности права участников гражданского оборота на использование для защиты своих прав третейского разбирательства, без учета сложившегося правового регулирования, призванного обеспечивать стабильность и динамизм гражданского оборота и предсказуемость в использовании процессуальных возможностей для его участников. Заявитель полагает, что сказанное также справедливо и для правоприменительной практики, формируемой государственными судами.

Подлинная конституционно-понятая сущность корпоративных споров, почему-то произвольно и сепаратно от иных гражданских споров отнесенных на практике государственными судами к категории неарбитрабельных, не может, по мнению Заявителя, предоставлять законодателю и/или правоприменителю возможность ограничивать передачу таких споров в третейские суды.

Подобный запрет снижает уровень защищенности участников гражданского оборота, делает их положение менее предсказуемым, снижает динамизм гражданского оборота. Перечисленное также влечет ухудшение качества работы государственных институтов, предоставляющих социальную услугу — разрешение споров. Изложенное вынуждает участников указанных отношений искать, исходя из природы гражданских отношений (основанных на признании равенства участников, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (ст.ст. 8, 19, 34 и 35 Конституции Российской Федерации)), иные способы защиты своих прав. В

¹² Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 2043-р (Собрание законодательства РФ, 2009, № 3, ст. 423).

условиях фактического наличия конкуренции юрисдикций предприниматели будут и далее выводить заключаемые ими сделки, в том числе акционерные соглашения и иные договоры, подпадающие под действие главы 28.1 АПК РФ за рубеж под юрисдикцию иных третейских судов, до тех пор, пока российская правовая система не станет достаточно привлекательной как для отечественных предпринимателей, так и для их зарубежных партнеров.

Подобная общеизвестная практика выбора отечественными предпринимателями зарубежных не государственных, а, подчеркнем, именно третейских судов является фактом, доказывающим вредоносность для российского общества придания обжалуемым законоположениям того смысла, которые уже выработаны государственными арбитражными судами, что также снижает ранее достигнутый уровень правовой защищенности участников соответствующих отношений. Полагаем, транспарентность правовой системы, наличие в ней конкуренции социальных институтов, осуществляющих защиту прав — залог не только соблюдения прав субъектов гражданских и экономических отношений, но и способ придания динамизма гражданскому обороту, а также обязательное условие для создания эффективной системы правосудия.

VII. ТРЕБОВАНИЕ, ОБРАЩЕННОЕ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ, К КОНСТИТУЦИОННОМУ СУДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

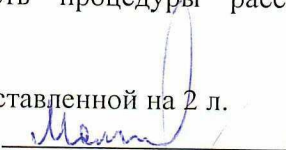
На основании изложенного Заявитель просит Конституционный Суд РФ:

признать не соответствующим Конституции РФ, ее ст. 2, ч. 1 ст. 8, ст. 10, ст. 19, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 45, ст. 76, ч. 3 ст. 90, ч. 3 ст. 115, обжалуемые положения п. 6 ст. 4, п. 2 ч. 1 ст. 33 и п. 2 ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 2 ст. 28, ч. 2 ст. 29 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, также не учитывающей их место в системе правовых актов — в той части, в которой указанными законоположениями в их системной взаимосвязи не допускается рассмотрение третейскими судами корпоративных споров, связанных с переходом права собственности на акции, в силу отнесения их к специальной подведомственности российских государственных арбитражных судов, а также якобы публично-правового характера таких споров.

Заявитель подтверждает точность всей приведенной в жалобе информации и обязуется уважать конфиденциальность процедуры рассмотрения заявлений в Конституционном Суде РФ.

Приложения: согласно описи, составленной на 2 л.

Представитель Заявителя

/Малышев А.В./

где вынести.

СПИСОК ДОКУМЕНТОВ

по Жалобе Максимова Николая Викторовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 6 статьи 4, пункта 2 части 1 статьи 33 и пункта 2 статьи 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, части 2 статьи 28, части 2 статьи 29 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», по смыслу, придаваемому этим положениям правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых актов

Handwritten initials

1. копия Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (п. 6 ст. 4) (Собрание законодательства РФ от 29 июля 2002 г., № 30, ст. 3012);
2. копия Федерального закона от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (п. 1) и п. 27) ст. 10) (Собрание законодательства РФ от 20 июля 2009 г., № 29, ст. 3642);
3. копия Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ч. 2 ст. 28, ч. 2 ст. 29) (Собрание законодательства РФ № 17 от 22 апреля 1996 г., ст. 1918);
4. копия Постановления Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П (Собрание законодательства РФ от 21 июня 2010 г., № 25, ст. 3246);
5. копия Постановления Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2001 г. № 15-П (Собрание законодательства РФ от 10 декабря 2001 г., № 50, ст. 4822);
6. копия Постановления Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П (Собрание законодательства РФ от 3 апреля 2000 г., № 14, ст. 1533);
7. копия Определения Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 1804-О-О (документ опубликован не был, размещен в СПС «Консультант-Плюс»);
8. копия Определения ВАС РФ от 30 января 2012 № ВАС-15384/11 (документ опубликован не был, размещен в СПС «Консультант-Плюс»);
9. копия Определения Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2002 г. № 270-О (Собрание законодательства РФ от 25 ноября 2002 г., № 47, ст. 4729);
10. копия Решения Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ от 31 марта 2011 г.;
11. копия Определения Арбитражного суда г. Москвы от 28 июня 2011 г. по делу № А40-35844/11-69-311;
12. копия Постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 10 октября 2011 г. по делу № А40-35844/2011-63-311;
13. копия Постановления Третьего арбитражного апелляционного суда от 7 декабря 2011 г. по делу № А33-14556/2011;
14. копия Постановления ФАС Восточно-Сибирского округа от 12 апреля 2012 г. по делу № А33-14556/2011;
15. копия Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 2043-р).
16. копия Дополнения к запросу ВАС РФ о проверке конституционности пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 33 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в части проверки конституционности норм Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» и норм Федерального закона Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», а также статьи 28 Федерального закона от 21 июля 1999 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»;
17. копия Постановления Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П (Собрание законодательства РФ от 6 июня 2011 г., № 23, ст. 3356);
18. Заключение проф. А.Л. Маковского;
19. копия Заключения проф. В.В. Яркова;

20. копия Определения Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2002 г. № 54-О (документ опубликован не был, размещен в СПС «Консультант-Плюс»);
21. перевод фрагмента из Постановления Европейского Суда по правам человека от 8 июля 1986 г. по делу Lithgow против Великобритании;
22. перевод фрагмента из Постановления Европейского Суда по правам человека от 13 июля 1990 г. по делу Jon Axelsson и другие против Швеции;
23. перевод фрагмента из Постановления Европейского Суда по правам человека от 23 февраля 1999 г. по делу Osmo Suovaniemi и другие против Финляндии;
24. копия Определения Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О (Собрание законодательства РФ от 24 августа 1998 г., № 34, ст. 4368);
25. копия Постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П (Собрание законодательства РФ от 26 июля 1999 г., № 30, ст. 3988);
26. копия Постановления Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П (Собрание законодательства РФ от 8 февраля 2010 г., № 6, ст. 699);
27. копия Определения Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 № 5-О (Вестник Конституционного Суда РФ от 2005 г., № 5);
28. 2 копии настоящей Жалобы с копиями приложений в 2 экз.;
29. текст настоящей Жалобы на электронном носителе на 1 CD диске;
30. оригинал квитанции об оплате государственной пошлины от 16.07.2011 г.
31. Копи доверенности на представителя Малышева А.В. № 2-3970.

Представитель Заявителя

_____/Малышев А.В./